
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 930.2:27-788:314.

DOI: 10.19110/2304-5922-2019-2-4-9

*М.С. Черкасова**

Сороки и трети как объекты демографического изучения (конец XIV – XVII в.)

В статье рассмотрены сороки и трети как единицы деления в Москве, Белоозере, Вологде. Учены обширная научная литература вопроса и разнообразная источниковая база – летописи, акты, приходо-расходные, дозорные, писцовые и переписные книги. Используется сравнительно-исторический метод анализа, акцент делается на демографических аспектах.

Ключевые слова: города, территория, население, государственное, земское и церковное управление, сороки, трети

M.S. Cherkasova

Magpies and thirds as objects of demographic study (late 14-th – 17-th centuries)

The article considers magpies and thirds as units in Moscow, Belozero, Vologda. The extensive scientific literature of the issue and a diverse source base – chronicles, acts, parish-expenditure, sentinel, scribes and census books – are taken into account. A comparative-historical method of analysis is used, focusing on demographic aspects.

Key words: cities, territory, population, state, land and church administration, magpies, thirds

В эпоху Средневековья и Раннего нового времени в городах России формировались и функционировали разнообразные единицы внутригородского деления. Они имели отношение к государственному, земскому, церковному административно-территориальному управлению, налогообложению, демографическому учету и назывались по-разному – концы, трети, половины, сороки, сотни, чети/четверти/четвертаки. В статье рассмотрены демографические аспекты таких единиц, как сороки и трети. Для анализа привлекаются и сравниваются источники по Москве, Белоозеру и Вологде конца XIV–XVII в.

Понятие сорок – весьма многоплановое, объёмное, растяжимое и изменчивое во времени, имеющее отношение и к епархиальной организации в городах, и к богослужебной практике, и к религиозному сознанию. Термин сорок обычно трактуется как аналог позднейшего благочиния – совокупности городских приходов. По исповедным книгам XVIII в. А.И. Федорев включает в московский «сорок» 40-43-50 приходских храмов [1, с. 12–13, 42–43].

На память приходит известная метафора про Москву как «сорок сороков». При буквальном понимании (40x40=1600) получается фантастическая цифра количества церквей в столице, даже если учитывать все престолы всех храмов с их пределами – соборных, приходских, ружных, больничных, тюремных, воинских, домашних и т.д. [2, с. 19–21]. На самом деле сочетание «сорок сороков» породили практикуемые в столице

* **Черкасова Марина Сергеевна** (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета; г. Вологда, ул. Ленина, 15; mscherkasova@mail.ru

торжественные крестные ходы всего московского духовенства, само выражение сформировано как допускаемое в церковно-славянском языке удвоение-усиление, подчеркивающее значимость мероприятия, по типу «Царь царем», «Господин господствующих» [1, с. 43–44].

С сороком была связана и поминальная практика. М.Н. Тихомиров проанализировал известие Воскресенской летописи и Рогожского летописца о погребении погибших в нашествие Тохтамыша в Москве в августе 1382 г. В Воскресенской летописи говорится, что после возвращения вел. кн. Дмитрия Ивановича из Костромы за погребение 80 погибших платили по 1 руб., а всего было истрачено 300 руб., то есть погибло 24 тыс. чел. [3, с. 66]. Такая же численность в Устюжской летописи под 1382 г.: «начаша давать от погребения мертвых от сорока по полтине, и сочтоша того 300 рублей дано, а мертвых сочтено двадцать четыре тысячи» [4, с. 36, 78]. В Рогожском летописце число погибших вдвое меньше: за погребение «группы» из 40 чел. давалась полтина (то же самое, как рубль за 80 чел.), при общих расходах в 150 руб., что показывает 12 тыс. погибших. Возможно, разница летописных данных объясняется тем, что при цифре в 24 тыс. имеются в виду выплаты на похороны не только в Москве, но и в других разорённых нашествием Тохтамыша городах – Дмитрове, Юрьеве Польском, Переславле, Волоке Ламском, Звенигороде, Можайске, Коломне, Рязанской земле. Если приведённые данные понимать как указание на оплату из княжеских средств сорокоуста (наиболее важного в православном каноне) по каждому из 24 тыс. погибших, тогда на поминание одного человека шло по 1,25 коп.

Наблюдения над демографическими аспектами московских сороков можно продолжить применительно к концу XVI в. По приговору царя Фёдора Ивановича с патриархом Иовом, боярской думой и всем Освященным собором от 13 июня 1594 г. в Москве были назначены восемь поповских старост и десятских попов, в подчинении у каждого старосты находился «сорок» – совокупность из 40 приходских священников, олицетворявших церковный приход как таковой. Это дает ориентировочно 320 приходских церквей в столице, а исходя из условной цифры, 40 дворов на приход, – 12–13 тыс. дворов, или (принимая примерно среднюю численность двора в 5–6 чел.) – 60–70 тыс. всего населения Москвы обоёго пола на конец XVI в.) [6, № 360]. Не исключаем, что это минимальные цифры, тогда как действительное население столицы на тот момент могло быть 80–100 тыс. чел.

Помимо Москвы, сороки существовали и в северных городах (Белоозере и Вологде), но они там отличались от московских. На их упоминание в дозорных книгах 1616/17 г. одним из первых обратил внимание К.А. Аверьянов. Здесь они являлись по сути городскими приходскими, а не крупными административно-церковными подразделениями типа благочиннических округов, как в Москве в Синодальный период. По количеству дворов белозерские сороки были весьма различны и корреляция с цифрой 40 наблюдается не всегда. Например, в Захарьине сороке и сороке свв. Жен-Мироносиц указано по 41–45 дворов (табл. 1). Церковная подоснова сороков ощутима в названиях типа Богословский, Никольский, Воскресенский, Мироносицкий с их привязкой к соответствующим улицам города. Встречаются и «гражданские» наименования сороков, отсылающие нас, по-видимому, к каким-то прежним названиям улиц, обитателям или писцам/переписчикам, например «сорок Жуков и Логинов»/Захарьин/Белобородов в Белозерске.

Группировка дворов жилых, дворов пустых и мест дворовых в дозорных книгах 1616/17 г. по Белоозеру и Вологде показывает уровень демографических потерь в них в тяжелые годы смуты и позволяет их сравнить. Часть населения в Белозерске проживала не на посаде, очень сильно разорённом, а в пределах «города»-крепости. На пространстве белозерского посада, очерченного восемью сороками, уровень разорения достигал 98%! Размер же «сорока» как единицы внутрипосадского деления колебался между 40–70 дворами, составляя в среднем 64 двора. В пределах же крепости дозорной книгой 1616/17 г. было учтено 150 жилых «осадных» дворов, 45 дворов пустых и одно место дворовое. Эти данные должны быть учтены при выведении общей дворовой пустоты Белозерска, поскольку её уровень выглядит уже не на 98, а на 77%. Так наличие крепости помогло уберечь жизнь многих людей.

В Вологде на посаде в 12 сороках отмечено в целом 498 дворов (жилых из них 207, пустых – 29 и 262 места дворовых), что дает средний размер сорока здесь почти соответствующим буквальному значению этого слова – 41 с половиной двора. В дальнейшем показатель этот изменяется в сторону увеличения (табл. 3). Уровень запустения на Вологодском посаде, очерченном 12 сороками, выглядит намного ниже по сравнению с Белоозером – 52,6%. Скорее всего, процент жилых дворов здесь был выше с учетом их количества и на территории крепости, которая не была охвачена дозором.

Помимо дозорной книги Вологды 1616/17 г., термин «сороки» в значении церковного прихода употребляется в делопроизводственной документации Вологодской архиерейской кафедры 1640–1650-х гг. [9, № 526, 1662, 9218, 9496; 10, л. 36об.]. В переписной книге 1657 г. и окладных «имянных книгах» 1680-х гг. население учтено по «сорокам», хотя это и разные по происхождению источники: первая – официального происхождения, составлена воеводой А.П. Еропкиным и дьяком С. Завесиным; вторые – общинно-посадские, составлены земским старостой О. Поляниным и ларешным Дм. Березиным [7, с. 239; 8, с. 181].

«Сороки» и дворы в городах Белозерске и Вологде 1616/17 г.

Название сорока	Дворов жилых	Дворов пустых	Мест дворовых
Белозерск			
1. ц. Архангела Михаила	–	3	59
2. Захарьин	5	3	41
3. ц. свв. Жён-Мироносиц	–	–	45
4. Воскресенский	–	–	73
5. Жуков и Логинов	–	9	72
6. Белобородов	1	3	58
7. Андреевский	3	7	101
8. Петровский	–	3	33
Итого в Белозерске	9	21	482
Вологда			
1. Федоровский	13	13	15
2. Кирилловский	27	1	53
3. Козлёнский (Покровский)	9	7	55
4. Бывшей Владышной слободы (Зосимовский)	21	1	4
5. Широкие улицы (Спасский)	20	4	–
6. Богословский	2	1	23
7. Никольский	30	1	3
8. Васильевский	18	2	–
9. Власьевский	3	–	45
10. Леонтьевский	32	1	32
12. Мироносицкий	14	6	14
13. Дмитриевский	18	2	18
Итого в Вологде	208	39	262

Источники: [6, с. 37–75; 8, с. 250–277].

Деление тяглого населения Вологды на сороки отразилось также в сыскальной документации о посадских закладчиках в 1640/41 г. (аналогично – в Белозерске в тот же год) и при проведении «посадского строения» (реформы) 1649–1652 гг. Конкретный состав сороков в Вологде в 1617–1687 гг. отражен в табл. 1 и 2, он существенно не менялся – 12-13-14, что соответствует такому же примерно числу земских целовальников – 12-14. Эти выборные люди от земской общины, привлекались в период писцовых работ к проведению обыскных мероприятий в 1628 г. [8, с. 285–286], к сыску закладчиков в 1639/40 г., к «посадскому строению» посада в рамках реформы 1649–1652 гг., а в октябре 1654 г. – к составлению приговора всех вологжан по сооружению обетного Спасо-Обыденного храма во избавление от эпидемии моровой язвы [11, с. 222–223].

К 1657 г. по сравнению с 1617 г. в Вологде добавился новый сорок – Ивановский, который можно связать с пригородным районом Дюдиковая пустынь, где существовал приход церкви Рождества Иоанна Предтечи. За пределами «налогово-сорокового учёта» находились торговые иноземцы, члены Суконной сотни, казённые каменщики и кирпичники, обитатели монастырских дворов. Едва ли не впервые при подведении итогов переписи в 1657 г. среди посадских людей (1578 чел.) выделены братья (111 чел.), дети (474 чел. – это 30% от общего числа учтённых), племянники (11 чел.). Такие «родственные подборки» станут заметны в переписных книгах русских городов начала 1700-х гг.

Сравнение описаний 1657 и 1686/87 гг. показывает в целом стабильную численность вологодского посада – 1,4–1,5 тыс. дворов (или ориентировочно 7–8 тыс. чел. об. пола). Средний же размер сорока во второй половине XVII в. составлял 103–107 дворов. Учёт посадских дворов в «сороковых» книгах 1686/87 г. по сравнению с государственной переписной книгой 1678 г. (1173 дв.) был на 20% полнее, хотя в течение 10 лет после переписи 1678 г. вполне допустим рост тяглого населения (табл. 2). По указаниям земских старост Вологды в 1682 г. относительно выплаты стрелецких денег «по новому гостиному окладу» в размере 1 руб. 7 гривен (на общую сумму 2414 руб.) количество тяглых посадских дворов в городе составляло 1420. Такое же их количество упоминалось в Петровском указе в январе 1702 г. о постройке барок для сплавки их к Архангельску ввиду возможного нападения шведской эскадры [12, № 50, 68].

По Кирилловскому сороку в «имянной книге» Вологды за 1688/89 г. [7, с. 244–245] удалось найти сопоставимый материал в росписи бобыльского оброчного сбора земского сборщика Дм. Полянина от 23 октября

1684 г. [13, № 1]. В ней бобыльских дворов показано больше – не 43, а 54, фамильный же состав бобылей совпадает – Бабины, Бабушкины, Барандины, Волковы, Королевы (Кокоревы), Неподставовы, Пасхалины. Сопоставление источников разного происхождения позволило взаимно проверить их демографические показатели и, кроме того, дополнило сведения именных книг информацией о «бобыльских зборах».

Таблица 2

«Сороки» в Вологде во второй половине XVII в.

Название сорока	1657 г.			1686/87 г.			
	Дворов посадских и бобыльских	Бобылей на подворьях, чел.	Иных дворов	Дворов жилых		Людей	
				посадских	бобылей и скудных	посадских	бобылей
1. Фёдоровский	88	–	7	62	42	121	66
2. Кирилловский	173	–	–	117	43	212	59
3. Козленский (Покровский)	73	–	–	36	33	66	51
4. Зосимовский	117	14	9	84	31	141	39
5. Спасский	80	–	–	62	28	107	40
6. Богословский	82	–	–	32	29	55	32
7. Никольский	139	–	–	79	58	139	83
8. Васильевский	91	–	–	42	47	66	58
9. Мироносицкий	65	18	3	52	26	87	37
10. Дмитриевский	83	–	–	61	26	107	39
11. Ивановский	84	12	–	43	27	77	36
12. Власьевский	134	–	–	101	43	177	56
13. Леонтьевский	181	14	9	85	50	159	67
14. Стефановский	118	–	–	62	52	110	63
Всего	1508	48 чел.	28 дв.	918	535	1624	726
Итого	–	–	–	1453 дв.		2350 чел.	

Источники: [7, с. 239–270; 8, с. 190–233].

Дворы вологжан в 1670–1680-е гг. учитывались и в архиерейском казённом приказе в связи со взиманием церковной дани с приходского духовенства. И здесь от сороков уместно перейти к более крупным церковно-административным и налоговым подразделениям – третям. Наличие третей в Вологде уверенно фиксируется приходо-расходными книгами, «выборами» на поповских старост, росписями церквей по третям в документации 1620-х, 1640-х и 1670-х гг. [9, № 2385; 10, л. 360б.; 12, № 156, 157, 161; 14]. В росписях церквей по третям в 1670-е гг. указывалось число приходских дворов в них, от чего зависел размер архиерейской дани. В состав каждой трети входило по 10–12 приходских храмов на посаде (в отличие от ружных, преобладавших в городе, не приходских и не учитываемых в системе архиерейского фиска). Исторически трети восходили, вероятно, к разным церковным юрисдикциям в Вологде и крае, функционировавшим ещё в удельную эпоху, – Успенской (Новгородского дома Св. Софии), Мироносицкой (Ростовской архиепископии) и Владимирской (Московской митрополии). В рамках топографии Вологды указанные названия маркировали: 1) древнейшую часть Вологды (на Верхнем посаде существовавший уже в начале XIV в. Успенский собор), 2) позднейшую часть Верхнего посада (ц. Сретения чудотворной иконы Владимирской Богоматери) и 3) Заречную часть (ц. свв. Жен-Мироносиц). Это отразило не только сопредельное положение Вологды как города и земли, возникшей недалеко от Новгородского и Ростовского рубежей [15, с. 191], но и раннее (с XIV в.) проникновение великокняжеской власти на часть её территории.

Другое основание имело третное деление Москвы в XIV–XV вв., подробно изученное М.Н. Тихомировым. Он связывал его с системой совладения Москвой великими и удельными князьями. Трети в Москве (а ещё в Рязани) являлись частями городской территории и долями в получаемых ими доходах и пошлинах – судебных, торговых [3, с. 99, 196–204]. К.А. Аверьянов попытался соотнести третное деление Москвы с сороками-благочиниями и членением (по Записи о душегубстве) на пять судебно-административных округов [16, с. 22–39]. В отличие от Вологды, в Москве для заседаний поповских старост и десятских дьяконов в рамках сороков-благочиний была организована Поповская изба перед Покровским собором на Красной площади [5, № 360].

По концу XVII в. сведения о «дворности» третей не менее интересны, как информация по исторической демографии, нежели данные о дворности сороков в дозорных книгах 1616/17 г. Табл. 3 суммарно показывает

1337 дворов в 1670–1680-е гг. в трех третях Вологды. Ориентировочно цифра эта сопоставима с данными сороковых именных книг 1680-х гг. (1453 дв.), хотя в абсолютном выражении получается, что посадский учёт дворов был полнее архиерейского.

Таблица 3

«Трети» на вологодском посаде в 1670–1686 гг.

Год	Треть	Состав приходских церквей в трети	Количество учтённых дворов в приходе
1670	Успенская	1. Успения Богородицы	22
		2. Введения Богородицы	40
		3. Живоначальной Троицы	35
		4. Архангела Гавриила	25
		5. Рождества Богородицы	24
		6. Василия Великого	17
		7. Николы Чудотворца на Горе	7
		8. Дмитрия Солунского у убогих дому	8
		9. Архангела Михаила	62
		10. Иоанна Богослова	7
Всего в Успенской трети дворов			247
1674	Мироносицкая	1. свв. Жён-Мироносиц	72
		2. Дмитрия Прилуцкого на Наволоке	54
		3. Николы во Владычной слободе	78
		4. Спаса-Преображения в с. Фрязинове	100
		5. Рождества Богородицы на Нижнем долу	52
		6. Сретения Господня	32
		7. Климента папы Римского	55
		8. вмчк. Георгия	65
		9. Леонтия Ростовского	74
Всего в Мироносицкой трети дворов			582
1686	Владимирская	1. Павла Обнорского в с. Кобылине	16
		2. Петра и Павла	51
		3. Феодора Стратилата	15
		4. Кирилла Белозерского	72
		5. Покрова Богородицы в Козлене	52
		6. вмчк. Екатерины	24
		7. Власия Севастийского	57
		8. Сретения иконы Владимирской Богоматери	83
		9. Дмитрия Прилуцкого в Кобылкиной улице	39
		10. Иоанна Предтечи в Рошенье	81
		11. Николы Чудотворца в Рассыльничьей слободе	13
		12. Афанасия Александрийского на Старой площади	5
Всего во Владимирской трети дворов			508
Итого в трех третях Вологды дворов			1337

Источник: [12, с. 137–138, 141].

Табл. 3 показывает неравномерное распределение дворов по приходам и по третям. Если их число в Мироносицкой и Владимирской третях примерно сопоставимо (соответственно 582 и 508), то в Успенской трети их почти вдвое меньше – 247 дв. Поскольку пространством Успенской трети охватывалась более древняя зона городского расселения (старый Верхний посад XIII–XV вв.), то разница в численности дворов в третях к концу XVII в. отражает общий «сдвиг» населения от верхнего течения р. Вологды к её нижнему течению. Для сравнения укажем, что в Устюге движение населения шло в обратном направлении – от низовьев Сухоны (с нередкими разрушительными разливами) к её верхнему течению, где проживание для людей было более безопасным. Наибольшая населенность Мироносицкой трети была достигнута за счёт включения в её состав пригородного села Фрязинова (приход Спасо-Преображенской церкви – 100 дв.). Во Владимирскую треть также вошло пригородное село – Кобылино, но размеры его были значительно меньше – 16 дв.

Таковы предварительные результаты рассмотрения сороков и третей в Белозерске и Вологде как объектов демографического изучения. Считаем продуктивной методику их исследования, когда привлекаются

и сопоставляются хронологически близкие, но разные и независимые друг от друга писцовые и переписные материалы – земско-посадского, государственного и церковного происхождения.

Источники и литература

1. Федорец А.И. Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворо-владельцев г. Москвы в 40-х – 80-х гг. XVIII в.: дисс... канд. истор. наук. М., 2014. 255 с.
2. Аверьянов К.А. Московские сорок сороков // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории. Период феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. М., 1991.
3. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957.
4. Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв.
5. Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1.
6. Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вологда, 1994.
7. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 1 / Отв. ред. И.В. Пугач. М., 2008.
8. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 3 / Отв. ред. И.В. Пугач. Вологда, 2019.
9. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 1.
10. ГАВО. Ф. 883 (Собрание Н.И. и И.Н. Суворовых). Оп. 1. Кн. 12.
11. Черкасова М.С. Население Вологды в конце XVII в. // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 4.
12. Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004.
13. Государственный музей-заповедник Ростовский Кремль. Ф. 184 (Вологодская земская изба). Оп. 1.
14. Приходо-расходные денежные книги Вологодского дома св. Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии XVII – начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016.
15. Куза А.А. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
16. Аверьянов К.А. Система третного управления Москвой в XIV–XV вв. // Московская власть. Управление Москвой в XII–XVII вв. Историко-биографический справочник. М., 2010.